

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gurevich@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ (МАРГИНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ)

В Институте философии РАН с 2016 г. работает общеинститутский методологический семинар. Прошло уже три встречи. С докладами выступили проф. Э.Ю. Соловьёв [23], проф. В.А. Подорога [18] и проф. В.М. Межуев [16]. Эти обсуждения показали, что в Институте накоплен солидный интеллектуальный потенциал, позволяющий анализировать философские проблемы на уровне серьёзной рефлексии. По сути дела выступавшие облюбовали тему «Философия и идеология». Не могу сказать, что данная проблема (значимая сама по себе) сулит методологические открытия. Основные дискуссии вокруг идеологии в европейской философии – «деидеологизация» (50–60-е гг. минувшего столетия), «реидеологизации» (70-е гг. того же века), «жаргон подлинности» (о немецкой идеологии Т. Адорно), идея симулякра и симуляции (Ж. Бодрийяр), положение Сл. Жижека («сама действительность стала идеологической») – уже утратили свою непреложную новизну. Методологическое освещение темы всё предполагает знакомство с основными массовыми экспертизами данной проблемы. Впрочем, докладчики не обращались к истории вопроса хотя бы на материале последнего столетия. Кстати, такая же «отстранённость» от современной европейской мысли отличает и статью Г.Ю. Семигина «Идеология», размещённую в Новой философской энциклопедии [21, с. 81–83]. В полемическое поле нашей дискуссии был вовлечён известный историко-философский материал впечатляющей давности – от Дестюта де Траси до Маркса включительно. Разумеется, всякий семинар интересен не столько регистрацией источников, сколько неожиданными подходами, глубиной и оригинальностью аргумента-

ции. Наши авторитетные философы оказались по-своему весьма продуктивными. Хорошо увлечённо мотыжить свой участок. Но за участком маячили и иные, весьма серьёзные подходы к теме.

Публикуемый материал не следует считать протокольным отчётом с заседаний или рецензией на прозвучавшие доклады. Это, скорее всего, попытка расширить проблемное поле возникшей дискуссии.

Ключевые слова: философия, идеология, критика, культура, симуляция, ре-идеологизация, власть, интересы, ценности, симулякр

Неожиданно в докладе В.М. Межуева [16] нашлось место и для полемики с проф. Э.Ю. Соловьёвым. Диспутанты попытались уточнить предмет спора, сопоставив свои взгляды на такие понятия, как «философия», «кризис» и «идеология». Если избежать детализации, отметим, что Э.Ю. Соловьёв рассматривал философию как действенное средство «критики идеологии» [23; 24]. Что касается В.М. Межуева, то он по сути дела отождествил философию с идеологией (правда, чаще связывая идеологию с Новым временем). При таком подходе «критика идеологии» оказалась делом курьёзным. Отсюда и размежевания с Э.Ю. Соловьёвым. Зачем философии, которая есть идеология, критиковать самоё себя? Но в этом случае В.М. Межуеву прежде всего требовалось ответить на вопрос, как он трактует идеологию. Оратор отстаивал принадлежность философии к идеологии (с этой уверенной констатации начинался письменный текст его доклада). К идеологии Вадим Михайлович отнёс также религию, мораль и право. Привычная идея различения форм общественного сознания после выступления В.М. Межуева неожиданно оказалась шаткой, но обещающей некое откровение.

Идеология

Нельзя не обратить внимания на неожиданность такой постановки вопроса. Философ не имеет права быть ординарным. В.М. Межуев – харизматик, и даже некоторые известные положения выглядят у него необычно. Он легко приватизирует и переиначивает философские аксиомы. Несомненно, Вадим Михайлович – парадоксалист. Однако предложенный тезис требует не только возвещения, но и аргументации. Если не брать пример с ницшевского Заратустры, то желательно как-то соотноситься с историко-философской традицией.

Даже в тех случаях, когда Ж. Бодрийяр или К. Ясперс касаются проблем массовизации идеологии, им не приходит в голову мысль лишить философию её уникального статуса. Подвергаясь усиленной идеологи-

зации, будучи действительно ангажированной общественными проблемами, философия всё же не только обслуживает конъюнктурные запросы, но и анализирует исторические разломы, варианты социальной динамики, «тайноведение» мира. Нет сомнений в том, что это её главное предназначение. Схематично концепцию В.М. Межуева можно выразить так: философия имеет дело с идеями. Всякая идея сама по себе идеологична. Оратор опирается на французских просветителей XVIII в., узаконивших данное положение. С этой платформы В.М. Межуев предлагает Э.Ю. Соловьёву темы, которые тот иронично оценивает как «экзамениционные вопросы на засыпку».

Насколько же убедительны доводы Вадима Михайловича? Понятно, что философ живёт в определённую эпоху, хотя и не принадлежит ей полностью. Он уже в силу этого факта не может обойти сферу идеологизма. Разве Платон в свободном полёте мысли не обдумывал проект «идеального государства», который, по оценке К. Поппера, есть не что иное, как оправдание авторитаризма? Более того, Платон оказался вовлечённым в политические интриги, которые плелись при дворе Дионисия Старшего, сиракузского тирана. Он, оказывается, принимал активное участие в заговорах и революциях, составляющих главное содержание сиракузской политики, что в конечном счёте имело для него роковые последствия [20, с. 72]. Платону мнилось, что рабовладельческое государство является наилучшим. Это ли не наглядное свидетельство философской вовлечённости в политическую идеологию?

Можно, вдохновляясь В.М. Межуевым, привести и другие иллюстрации, сближающие философию и идеологию. Разве современные «новые правые» во Франции не обвинили классиков немецкой философии в том, что они своими идеями подготовили тоталитарные эксцессы в истории? Современная критика метафизики (бинарные отношения, логоцентризм) легко вторгается в сферу идеологических сюжетов. Даже самые преданные постмодернисты пишут о мультикультурализме, глобализации, политических борениях, хотя и вносят в философию множество новейших концептов. Может быть, безоговорочное признание идеологического диктата в философии и есть акт трезвой мысли, открывающей просторы для диагностики современной рефлексии? Таков вопрос, вытекающий, по сути дела, из доклада В.М. Межуева [16].

Но данное «обольщение» идеологией, хотя и носит сегодня характер философской моды, обманчиво. Оно выражает тотальный «синдром подозрения» для любой самостоятельной и ответственной мысли. Такое утверждение служит поводом для «окончательных» расчётов с самостоятельной мыслительной традицией. Перед неистощимой «злойбой дня» философия уходит в тень, предоставляя главенствовать идеологии. Но обладает ли данный тезис необходимой доказательной базой? Да, философ не прописан в башне из слоновой кости. Он откликается на события современности, но не в качестве идеологической обслуги. Огромный массив философии вообще не соотнесён с идеологией.

Большая часть философских открытий, связанных, к примеру, с анализом времени, пространства, сущего, вообще не имеет касательства к идеологии. Миссия философии состоит в том, чтобы вводить в культуру новые идеи, новые смыслы и ходы мысли. Мощь философии определяется её незаёмностью. Работая с наличным идеологическим материалом, философия всё равно остаётся особым способом миропостижения. Разве Гераклит, пестуя учение о вечном огне, руководствовался идеологическим заказом? Неужели идея эйдоса пришла в голову Платона на пике прагматических, житейски полезных споров античных мудрецов? Какие идеологические расчёты диктовали античному философу учение об отождествлении бытия, идеи, единого, блага в первом принципе и небытия, материи, множественности и зла во втором принципе? Разве, выстраивая учение о монадах, Г. Лейбниц руководствовался наставлениями немецкого короля? Неужели, анализируя новый опыт о человеческом разумении, Лейбниц хотел быть утилитарно полезным немецкой элите того времени? Декарт придумал свою знаменитую систему координат, нежась в постели, что косвенно подтверждает его неучастие в политических разборках. Какого рода идеологические соображения питали догадку К. Ясперса об осевом времени?

Наталкиваясь на такие возражения, Вадим Михайлович обычно называет своих оппонентов «не философами». Мне мнится, что я без напряжения сливаюсь с такой фигурой. Проследуем же за логикой данной концепции. В письменном тексте доклада В.М. Межуева есть определение идеологии. Он трактует её как особый мир идей, отделённый от мира вещей и заключающий в себе отчуждённую от человека и идеально выстроенную систему его общественных отношений. Разумеется, идеология представляет собой особый мир идей (своя особенность идей есть и у философии, и у религии, и у права). Но в каком смысле идеология отделена от мира вещей, если именно в наши дни она всё больше становится образом жизни, активно вплетаясь в пространство житейски конкретной реальности? В чём проявляется идеальность идеологии? Разве она не оперирует вещественностью? Верно ли, что она рисует идеально выверенную социальную организацию, если идеология сегодня более нацелена на производство кошмаров, апокалиптических сюжетов, алармических прогнозов? Современный идеолог далеко не всегда грезит об идеальном обществе. По этому поводу Ж. Бодрийяр замечает, что все утопии обрели реальные очертания и парадокс состоит в том, что мы должны жить так, как будто этого не было. «Но так как утопии всё же стали реальностью, мы не можем тешить себя надеждой, что нам ещё предстоит дать им жизнь. Всё, что нам остаётся, – тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует» [4, с. 8].

Тотальность данного феномена обосновывается в докладе Вадима Михайловича тем, что отдельно рождённая идея есть уже идеология. Она, если пользоваться выражением французских постмодернистов,

контагиозна, т. е. заразительна. Из неё одной прорастает целый вер-ер сходных воззрений. Но так ли это? Идея сама по себе сакральна и менее всего может рассматриваться лишь как кирпичик идеологии. Идея – это дерзкий вызов наличному порядку вещей, мощное ката-пультирование мысли, вызов и наитие, поразительное прозрение. В философии до Платона идея – это форма, вид, образ или способ. Для Платона – это вневременная сущность, динамический и творческий архетип существующего.

Всякое иное помышление об идее десакрализует её, обозначает лишь как зависимый элемент целого. Между тем А. Уайтхед в книге «Приключения идей» характеризует идею не только с точки зрения вклада в историю. Он умышленно отделяет её от идеологии. Уайтхед придаёт огромное значение личным духовным приключениям творцов идей. Он не забывает отметить рискованность идей. Идея у него характеризует не идеологическую повязанность, а разнообразие ментального опыта человечества [25; 27]. Не составит особого труда помыслить отдельную философскую идею, скажем, идею энтелехии, вне всякой идеологии.

Всегда на слуху мысль В.М. Межуева: «Философия рождается в душе свободного человека». Это, несомненно, так. Правда, неясно, о какой свободе идёт речь – внешней или внутренней? Раб Эзоп начинает философствовать, потому что он несвободен, а смысл его басен продиктован внутренней свободой. Между прочим, кого можно считать свободным человеком? И легко ли философствуется свободному человеку? Сократ свободен как мыслящая личность. Но он не свободен как житель полиса. Он не стремится избежать решения суда и принимает вынесенный ему смертный приговор. Сам акт свободы драматичен, экзистенциален. Августин Блаженный писал: «О, как желал и я достигнуть того счастья, только не по сторонним побуждениям, а по собственной воле. А воля моя, к несчастью, была в то время не настолько во власти моей, сколько во власти врага моего... <...> Между тем во мне родилась новая воля – служить Тебе бескорыстно и наслаждаться Тобю, Боже мой как единственным истинным источником истинных наслаждений. Но эта воля была ещё так слаба, что не могла победить той воли, которая уже господствовала во мне... Таким образом, две воли боролись во мне: ветхая и новая, плотская и духовная, и в этой борьбе раздиралась душа моя. <...> Между тем я, служивший поприщем борьбы, был один и тот же... По своей же воле дошёл я до того, что делал то, что не хотелось делать. <...> ...Я одобрял одно, а следовал другому...» [1, с. 103–108].

Отечественный культуролог Григорий Померанц, оценивая своё душевное состояние как зэка, отмечал невероятное чувство свободы. Но разве в камере можно испытать глубочайшее чувство освобождённости? Он писал: «Я был один из тех подопытных кроликов, на которых был поставлен эксперимент общества без религии, без чувства вечно-

сти, с одной идеологией светлого будущего. Условия эксперимента были выдержаны строго: никаких религиозных и философских традиций в семье; полная уверенность, что Маркс переставил Гегеля с головы на ноги и дальше надо стоять на ногах. Но в плоскости идеологии оказалась дырка: чувство страха перед внешней бесконечностью, в которой тонет смысл моей жизни, потребность во внутренней бесконечности, уравновешивающей бездну пространства и времени» [19, с. 7].

Откуда же родилось представление об идеологии как механизме неустанный сцепления идей? Отчего предполагается, что философская мысль немедленно обрастает сходными сюжетами и цементируется как идеология? Полагаю, из неверной трактовки мыслей французских просветителей А. Дестюта де Траси, П. Кабаниса и других. Они менее всего имели в виду идеологию как содержательную политическую доктрину. Для них идеология – это область социального знания, не более того. Их интересы сводились к тому, чтобы понять, как рождаются идеи, как они обретают солидарность, не утрачивая своей автономности, как сделать идеологию ещё одной областью теоретического размышления. Но их ещё нельзя было обвинить в том, что своим понятием они отражают чью-то идеологию. Это слово пока оставалось нейтральным.

Напомним друг другу, что слово «идеология» впервые употребил А. Дестют де Траси в 1796 г. На рубеже XVIII–XIX вв. **поздние просветители** превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину, подчёркивали активный характер, практическую значимость идеологии. Но содержательного наполнения по существу ещё не было. Обратим внимание на тот факт, что деятели того времени пытались теоретически осмыслить, как философские идеи влияют на политику. Но никто из них не считал, что сама философия и есть идеология. В частности, П. Кабанис полагал, что именно идеи оказывают наибольшее влияние на общественную мораль, которая рассматривалась им в качестве источника политических страстей.

Именно в тот период группа французских экономистов, философов, естествоиспытателей (А. Дестют де Траси, П. Кабанис, Э. Кондильяк, К. Вольней, Ж. Гара) использовала новое слово «идеология» для обозначения теоретической дисциплины, призванной заниматься изучением генезиса и функционирования идей. Термин «идеология», таким образом, первоначально означал «науку об идеях». Эти мыслители предполагали создать особую философскую дисциплину, призванную изучать методологические основы всех наук. Идеология как самостоятельная наука должна была, по словам П. Кабаниса, иметь в настоящем или будущем непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя¹.

¹ Автор маргинальных заметок о семинаре ссылается в данном случае на свои тексты (см., к примеру: [10, с. 165–169]). Нет нужды приватизировать эту тему, поскольку она обстоятельно освещена в отечественной литературе.

А. Дестют де Траси видел свою задачу в том, чтобы выявлять истоки человеческого познания, его границы и степень достоверности. Поэтому науку об идеях он считал наиболее фундаментальной, рассматривая её как базу для всех других дисциплин. В его многотомной работе «Элементы идеологии» (первый том вышел в свет в 1801 г.) идеология трактовалась как своеобразный эталон, как познание универсальных законов на основе рационального функционирования человеческого разума. Французские просветители не спекулировали на философии. Мысль о том, что именно философия может стать частью идеологии или раствориться в ней, показалась бы им кощунственной.

Конечно, А. Дестют де Траси полагал, что подлинное понимание сущности вещей позволит построить справедливый и разумный общественный порядок. Тем самым идеология в истолковании французского исследователя являлась теоретической основой общественного устройства. Но пока всё ещё в самом общем виде, скорее как прогноз, нежели как идеологическая вербовка. Дестют де Траси считал, что можно добиться эффективного научного анализа общественного сознания путём устранения различных ересей, ложных авторитетов и традиций, заблуждений и преднамеренной лжи. Как видим, первоначально термин «идеология» имел положительный смысл, означал учение об идеях, которые, очистившись от религиозных и научных предрассудков, станут базой для всестороннего просвещения людей. Ни о какой универсальности идеологии не было и речи. Тем более не было ещё и осознания ограниченности идеологии, если брать её в виде средства политической борьбы за власть. Выходит, попытка уточнить исходные понятия не была ненужной.

Так о чём же спорили докладчики на методологическом семинаре? Полемизируя с Э.Ю. Соловьёвым, В.М. Межуев пишет: «Мне хотелось бы большей ясности в том, что он называет, во-первых, философией, во-вторых, критикой, в-третьих, идеологией» [16]. Но о какой ясности и детализации может идти речь, если исходным пунктом доклада В.М. Межуева является утверждение о прямой принадлежности философии к идеологии? Коли «прямая принадлежность», то нет и повода для детализации. Что из того, что позитивисты критикуют философию, стремясь «онаучить» её. Лишает ли это возможности Э.Ю. Соловьёва говорить о философии в целом? Позитивисты критиковали классическую философию. Но они отреклись также и от идеологии, признавая достоверность факта и подозрительно относясь к его произвольной интерпретации. Философия действительно имеет дело с идеями. Но разве именно поэтому она и есть идеология?

Идеология, как известно, выражает интересы и ценности конкретного общества (класса, социальной группы, страны, партии, движения больших социальных общностей). Идеология исходит из определённым образом «сконструированной» реальности, ориентирована на че-

ловеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание. Ядром идеологии выступает круг идей, связанных с вопросами захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики. Идеология фундирована конфликтной природой мира, политики, его выстроенностью по полюсной модели «враг-друг», кристаллизующей сторонников той или иной идеологии.

На социальную ангажированность, ограниченность классовых и групповых интересов и сослался Э.Ю. Соловьёв. Но можно ли сказать, что всё сказанное про идеологию относится к философии как форме общественного сознания? Верно ли, что она давно уже чья-то служанка? Например, идеологии, науки или политики. «На мой взгляд, философия умирает в идеологии и политике. Да, бывало так, что они мотивировали и взлёт философии, мы знаем примеры. Но всё же не стоит путать две столь различные сферы человеческой деятельности», – отмечал в своё время А.М. Руткевич [цит. по: 17, с. 12].

Справедливо ли полагать, что философия утратила значение сколько-нибудь позитивного знания о мире? Аргументируя свою интересную, хотя и неожиданную позицию, В.М. Межуев обращает внимание на связь классической философии с основными идеологиями послереволюционной эпохи. «По замечанию И. Валлерстайна, – пишет он, – уже три великие классические идеологии Нового времени – консерватизм, либерализм, социализм, ставшие своеобразной реакцией на последствия Французской революции, своё главное отличие друг от друга видели в том, “против кого они выступают”» [16].

Действительно, политическая идеология названной эпохи претерпела поразительные преобразования. Но миссия классической философии выходит далеко за пределы этих политических размежеваний [6]. Множится число идеологий [см.: 7], формируются новые философские течения. Но прямая связь между этими процессами не прослеживается. Философия сохраняет свои полномочия и притязает на «критику идеологии». Однако идеология вовсе не помышляет тотально подчинить себе философию.

Критика

Вадим Михайлович отмечает: «Столь же неясно для меня, что Э.Ю. Соловьёв называет “критикой”? В чём смысл этой критики – в отрицании любой идеологии или в её замене на более приемлемую?» [16]. Эрих Юрьевич в своём докладе действительно «примеривал» к себе роль идеолога, разоблачающего фикции современной пропаганды, но он не занимался сотворением идеологии. В своих работах Э.Ю. Соловьёв уже несколько десятилетий назад дал развёрнутое определение данной те-

мы. «Критика» не предполагает замены, уничтожения, ликвидации. Она занимается коррекцией, помещением идеи или идеологии в конкретное историческое русло, выявлением скрытых в ней дефектов. Э.Ю. Соловьёв, ясные кегли, не помышляет о создании собственной, «более приемлемой» идеологии.

Феномен «критики идеологии» не является новой темой. Мыслители конца XVIII – начала XIX вв. уже включали в понятие идеологии представление о ложном сознании, т. е. различных предрассудках, идолах, иллюзиях, которые могли стать объектом теоретического анализа. Негативный смысл слову «идеология» придал Наполеон, который с 1797 г. был членом Национального института, разделял мысли просветителей, но после того, как они осудили его деспотические действия, резко разошёлся с ними. Наполеон обвинил своих недавних единомышленников в доктринёрстве и романтическом идеализме, в непонимании реальной политической практики и тех интересов, которые волновали французское общество. Он стал презрительно именовать их «идеологами». С того времени началось смысловое преобразование понятия «идеология». Оно стало обретать отрицательный смысл.

В.М. Межуев, судя по всему, прав, утверждая, что для Маркса критика идеологии является и критикой всей философии. Анализ марксистского толкования идеологии выполнен В.М. Межуевым весьма профессионально. Но в докладе Э.Ю. Соловьёва говорится уже о другой исторической реальности. Сложилась многодесятилетняя традиция критики идеологии как социального феномена вообще. Это означает, что философия не является только идеологическим явлением. Идеологию критикуют, но при этом не апеллируют к исторической судьбе философии.

Речь идёт о том, что такое идеология в наши дни. Какова её роль в исторических процессах? К трезвому осмыслению идеологии подключились в конце минувшего и начале нынешнего столетия выдающиеся современные философы, в том числе Поль Рикёр, Жан Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и другие мыслители. Они в данном случае, обращаясь к идеологии, менее всего занимаются критикой философских идей. Главное – распознать предназначение идеологии в наши дни. Э.Ю. Соловьёв в своём докладе не занимается ни регистрацией идеологий, ни их созданием. Ценность его доклада в том, что он приковывает внимание к критике идеологии в новых исторических условиях. Он пишет: «В ходе информационного противоборства в конфликтующих идеологиях складываются сходные, однотипные представления об организации сознания людей, о самой идеологии. Представления эти можно было бы назвать “вульгарной социологией знания” (в том смысле, в каком Маркс говорил о “вульгарной экономической науке”）」 [24, с. 14].

Критика идеологии освещена в докладе Э.Ю. Соловьёва развёрнуто и доказательно. Он скептически относится к попыткам создания «научной идеологии». (Правда, П. Рикёр допускает, что идеология может

быть научной.) Между прочим, современная идеология выступает во всеоружии теоретической серьёзности, апеллируя к марксизму, психоанализу, постмодернизму, синергетике. В то же время «критика идеологии» утрачивает всякую диалогичность. Идеолог оценивает любого идейного противника как «клинический случай», как патологический феномен. Здесь очевидна опасность идейного фанатизма. Нет необходимости снова приводить известные исторические примеры. Идейная ярость не всегда продуктивна. Чаще всего она губительна.

Должна ли философия заниматься критикой идеологии? Несомненно, да. Весь вопрос в том, как оценивать идеологию, что в ней заслуживает философской диагностики. Расчёты с любым пристрастным мнением, с духовными заблуждениями – неужели не пробуждают ростки нового мышления? Критика идеологии позволяет обнаружить тайные, неявные мотивы противника. Она стремится представить общественности воспроизводство ложного и несвободного сознания.

Э.Ю. Соловьёв указывает на феномен зеркальной идеологической симметрии, когда на обеих сторонах смыслового конфликта используется однотипная софистика и казуистика. Повсюду разоблачаются внерациональные механизмы, порождающие мнения, – интересы, страсти, фиксаций, иллюзии. Однако на деле число социальных мифов множится.

Изобличение иллюзий – разве не в этом миссия социального мыслителя? Власть стремится узаконить свое первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии». Идеология по самому своему призванию борется с инакомыслием, с нетривиальным подходом к общественным процессам. Она догматична и направлена против всякого творчества. Нет сомнений в том, что идеология стягивает всё мыслительное, духовное богатство к обоснованию одной «правды», одного «голоса». Она создаёт всечеловеческую стилистику, но выражает ограниченную точку зрения. В том-то и дело, что и «критика идеологии» демонстрирует в конечном счёте формальное многомыслие. Да, идеологии свойственно фанатичное деление мира на фатально противостоящие друг другу системы идей. Отсюда гневное осуждение универсального человеческого опыта. Но не подпадаем ли мы при этом под скромное обаяние «критики идеологии», которое не позволяет развернуться полноценному духовному диалогу, подменяя его множеством автономных голосов?

И всё-таки огорчает, что в своём докладе (ещё до появления статьи) Э.Ю. Соловьёв взял на себя роль «идеолога», а не философа. В пламенной и чарующей форме он приступил к критике наличной пропаганды. Дав прекрасную рекогносцировку современных «информационных вспышек», докладчик призвал оказать отпор нынешнему массированному наступлению на разумность. Но упрекать современных манипуляторов в том, что они отступили от логической порядочности, – всё

равно что обнаруживать неразумие. Манипуляторы, напротив, специализируются на логической несуразности, на её сбоях. В этой сфере они отстаивают своё мастерство. Иного не дано. Досадно, что Э.Ю. Соловьёв оставил возможность своим оппонентам и для критики, и для иронии. Критиковать современную идеологию на её же площадке означает содействовать её легализации.

Реидеологизация – сложное и многоплановое явление. Она взята на вооружение различными идейно-политическими течениями современного мира. Возникновение данной идейной волны отразилось на всех направлениях западной мысли, трансформировав и либерализм, и консерватизм, и леворадикальное сознание. Идеология оттеснила науку, философию. Началась полоса безраздельной идеологизации всей социальной жизни. Идеология окончательно короновала себя в современном мире. Нет такой сферы существования, будь то конкурсы красоты или спортивные состязания, политические распри или расшифровка генома, которая не оказалась бы идеологизированной. Почитайте работы современных генетиков. Их волнуют уже не только тайны природы. Они готовы выступить и в роли социальных реформаторов.

Опасность идеологии вообще обнаруживается в том, что она отчуждает реальность. Благодаря социальной мифологии люди погружаются в мир грёз, абсурда, живут в галлюцинаторном мире. Это отвечает интересам власти, которая не справляется с действительными общественными проблемами. Идеология, как только она оформилась в качестве специфического явления, вызвала высокомерное отношение к жизни, здравому смыслу, историческому опыту, не освящённому духом «научности». Она предстала как некое внесённое «сверху» сознание, которое навязывается массам или целым народам подчас вопреки здравому опыту, житейской практике.

Сегодня можно зафиксировать явную избыточность идеологий. Идеологизируется всё – от социальной политики до новейшего научного открытия. В политической практике прошлого обнаруживались контроверзы либеральной, консервативной и радикальной идеологии. В наши дни картина чрезвычайно усложнилась. Мы оказались в сложном спектре идеологических воззрений. Всеохватная идеологизация глобализма вызвала к жизни антиглобализм. Побочным продуктом глобализации явилась идеология космополитизма, для которой «отечество сердца и воображения»² оказывается там, где хранятся банковские вклады. Мощная тенденция к национальному нивелированию, к глобализации сознания наконец-то породила контртенденцию. Миллионы людей испытывают потребность в собственной национальной укоренённости. Казалось бы, поиск идентичности, охвативший едва ли не все страны, мог носить лишь общекультурный характер. На самом деле, он оказался предельно идеологизированным.

² Выражение В. Ключевского.

В идеологии всегда присутствует жар, клокотанье иллюзий, страстей. Не исключено в то же время, что она способна породить уныние и позор через беспощадное столкновение с реальностью, растрату жизненных сил, исторический проигрыш. Яркие изобличительные строчки Эриха Юрьевича – образец блестящей философской публицистики. Но опять, как и в случае с докладом В.М. Межуева, рождается ощущение горечи. Вместо философской экспертизы докладчик предложил аудитории изложение современных пропагандистских приёмов, характеризуя их наглость и циничность. Но для кого сегодня демонстрация идеологических ухищрений является неожиданностью? Такого рода пропагандистский цинизм описан уже Макиавелли. Такие идеологические непристойности проанализированы, к примеру, патриархом американской социологии Г. Лассуэлом. Сколько доказательств пропагандистского шарлатанства отмечено современной критической литературой [см., к примеру: 8; 9; 11].

Э.Ю. Соловьёв называет два расхожих манипулятивных приёма, которые использует современная идеологическая практика, – интенция предостережения и воодушевляющие проекты. Но в них ли кроется главная опасность для современного общества? Это, скорее всего, классика манипуляции. Есть и более изощрённые приёмы воздействия на массовое сознание. Они в большей степени требуют философской экспертизы. Идеология в наши дни – мощное идейное производство. Можно ли путём логической верификации или потенциала скептицизма изменить хорошо отлаженную идеологическую практику? Да и про кого из пропагандистов можно сказать, что он утратил логическую память и логическую порядочность? Такие упреки могут вызвать у них усмешки.

Манипуляторы будут только счастливы, если их наивные уловки приобретут логико-лингвистическую аранжировку. Лично меня, как и ту одноглазую девочку, не интересует больше вопрос, кто живёт в скворечнике. Никто из властвующей элиты или широких масс не ждёт от нас независимой, непримиримой, но политически корректной научно-академической экспертизы. Не идеологическая подпевка пусть даже в благородной гневной тональности, а философский анализ идеологии, сознательное отстранение от политической конъюнктуры, максимальное дистанцирование от корректировки идеологии в виде пробуждения в ней стыда, совести и логической памяти, несвойственной ей.

Философия

Тревожная тенденция – постоянное отсутствие у многих интереса к современной европейской и восточной философии. В спорах на общеинститутском семинаре нет ссылок на значительные философские достижения наших зарубежных коллег. М. Фуко, как известно, предложил при анализе власти максимально дистанцироваться от наличной практики.

И вовсе не ради социальной безответственности. Скажем, его идея о распылённости власти позволила увидеть неожиданные грани этого феномена. Современная идеологическая практика нуждается не столько в критике её самообманов, сколько в философском анализе её глубинных социологических основ. Идеология претендует на создание нового типа цивилизации. Её умысел – создание фиктивной реальности. А это, как говорится, уже не стилистические разногласия.

Манипуляторы уstraняют из коммуникационного пространства саму реальность, заменяя её виртуальным миром. Зрители всё чаще получают в своё распоряжение социальные факты, которые никогда не случались. Дело уже не столько в семантике «информационных вспышек», сколько в уstraнении и затемнении самой действительности.

Глядя на экран сегодня, мы думаем уже не столько о том, верно ли трактованы факты и события, сколько о том, были ли они на самом деле или являются произвольным вымыслом. Выветриваются идеи, теряя смысл. Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, предполагающая производство, испарилась, но производство как таковое существует. Телевидение продолжало бы творить образы, даже если бы человечество исчезло. Всё сексуально, политично, эстетично. Но где сама подлинность? Изображения, поставляемые средствами массовой коммуникации, никогда не умолкают: изображения сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. Но мы всё основательнее катапультируемся в виртуальную реальность. Была ли война в Персидском заливе? Были ли ядерные испытания в Иране? Использовалось ли химическое оружие в Сирии? Из средств массовой коммуникации вы получите самые причудливые ответы на эти вопросы.

Жан Бодрийяр приводит пример о том, как конструируется призрачная реальность, выдаваемая за протокольность жизни. В 1971 г. весь мир узнал о том, что в филиппинских джунглях найдено племя тасадаи, которое на протяжении тысяч лет не вступало в контакт с другими людьми. Журналисты рассказывали о том, что данное племя живёт фактически в каменном веке. Немедленно последовали государственные решения. Власти объявили территорию охраняемой, объясняя телезрителям, что в целях науки надо обеспечить сохранность уникального племени. Но через 15 лет на территорию без разрешения проникла группа журналистов. Они заявили, что в пещерах нет никаких жителей, что мир имел дело с мистификацией. Выяснилось, что это не случайность, а умышленная проделка. Первобытное племя было «сыграно» крестьянами из недалеко расположенной деревни. Через несколько лет появилось ещё одно опровержение. Крестьяне сказали, что они во второй раз за награду изобразили древнее племя.

Кто-то может сказать: обычный розыгрыш. Но правда состояла в том, что племя тасадаи существовало на самом деле. Его представители вели примитивный образ жизни. Пришлось опровергать только один

факт – насчёт каменного века. Это уж слишком. Французский философ подчёркивает, что в современной идеологической практике невозможно отыскать абсолютный уровень реального. Иллюзия больше невозможна, потому что больше невозможна реальность. «То есть все теракты, угоны самолетов и т. д. отныне являются в некотором смысле преступлениями-симуляциями, если иметь в виду их заведомую вписанность в дешифровку и ритуальную оркестровку средствами массовой информации, заведомую известность их сценариев и возможных последствий. Короче говоря, они функционируют как набор знаков, предназначенных исключительно для своего повторения как знаков, а не для “реальных” целей» [5, с. 33].

Значимость этой темы очевидна. Что такое идеология сегодня – это искажение реальности через знаки. Симуляция – это короткое замыкание реальности и её дублирование знаками. Мы хотим с помощью интеллектуального участия в идеологическом дискурсе восстановить объективный процесс. Но не является ли ложной постановка проблемы восстановления истины в рамках симулякра? Философский смысл проблемы состоит в том, что идеология – это не просто «ложное сознание», иллюзорная репрезентация действительности. Идеология – это отныне сама действительность. Славой Жижек характеризует идеологию как такой социальный механизм, сам гомеостаз которого предполагает, что «индивиды не сознают, что они делают». Идеологическое, следовательно, не есть «ложное сознание» социального бытия. Однако само это бытие имеет основание в ложном сознании. Философия – отнюдь не идеология. Она есть опыт индивидуализации мысли. Что касается самой идеи Э.Ю. Соловьёва защитить разумность, она, безусловно, чарует. Но философия сегодня не востребована властью, никто не нуждается в наших идеологических экспертизах. Хотя для философии – это не самая плохая ситуация.

Гипертелия (сверх окончания)

Названы общие выводы. Но сказано не всё. Воспользуемся словом Ж. Бодрийяра гипертелия («сверх окончания»). Зачем нам понадобилось сегодня тревожить дух Дестюта де Траси или Кондильяка? Отчего мы вновь в духе Канта заговорили о «философском просвещении»? Эта надобность философии вечна и не может быть изъята в любых условиях, особенно требующих стоических усилий. Нет особой увлечённости в создании «встречных» утопий. Но изучение цивилизационных параметров – прямая задача философии. Мысль о том, что философ может анализировать тему идеологии не только впрямую, но и обходным путём, весьма продуктивна. В качестве примера назову попытку Ж. Батая обратиться к социальному конструированию,

не связанному с идеологическим заказом. Батай убеждён в том, что принцип полезности не может быть единственным критерием человеческого существования. Определённая часть человеческого бытия наверняка не может регулироваться только исканием пользы, накопления, сохранения энергии (богатств), услугой фантазии и галлюцинозных видений. Батай пишет о принципе непроемчивой траты. Но потребительское общество не расположено к бесполезным тратам. В нём всё направлено на накопление и ничего на трату. Доля человека, которая обусловлена соприродным ему наваждением траты, не принимается капитализмом. Она подвергается проклятию. Капитализм, как Скупой рыцарь, мечтает «сидеть на сундуке и от живых / Сокровища мои хранить, как ныне!..».

Но при чём здесь тема прошедшего семинара? Идеология в потребительском обществе направлена на избыточность, на накопление. «Информации много, а смысла мало». Просвещение, как затратное начинание, никого не интересует, поскольку не сулит выгоды. Этот сюжет, мне кажется, сам по себе интересен. Тема идеологии тесно связана с философским, социологическим воображением. За приверженность к творческим возможностям философии особая благодарность нашим авторитетным докладчикам.

Список литературы

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. М.: Республика, 1992. 332 с.
2. *Адорно Т.* Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 191 с.
3. *Батай Ж.* Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. 258 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.
6. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. М.: КМК, 2008. 176 с.
7. *Гальцева Р., Роднянская И.* SUMMA IDEOLOGIAE: торжество «ложного сознания» в новейшие времена. М.: Посев, 2012. 128 с.
8. *Гуревич П.С.* Буржуазная идеология и массовое сознание. М.: Наука, 1980. 368 с.
9. *Гуревич П.С.* Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М.: Политиздат, 1978. 162 с.
10. *Гуревич П.С.* Идеология // *Гуревич П.С.* Современный гуманитарный словарь-справочник. М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. С. 165–169.
11. *Гуревич П.С.* Приключения имиджа. М.: Искусство, 1991. 219 с.
12. *Гуревич П.С.* Тяжких дум избыток // *Философия и культура*. 2016. № 7 (103). С. 929–934. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.7.19641.
13. *Дестют де Траси А.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2013. 333 с.

14. Жижек Сл. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
15. Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. 440 с.
16. Межуев В.М. Философия как идеология (тезисы доклада на общеинститутском семинаре 27 апреля 2017 г.). URL: http://iphras.ru/uplfile//root/news/archive_events/2017/27_04_2017_mezhuev/rezume_27_04.pdf (дата обращения: 04.05.2017).
17. Подорога В.А. О чём спрашивают, когда спрашивают «что такое философия?» // Философский журнал. 2009. № 1 (2). С. 5–12.
18. Подорога В.А. Революция и авангард (История одной семьи) (тезисы доклада на общеинститутском семинаре 2 февраля 2017 г.). URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/02_02_17/thes.pdf (дата обращения: 12.04.2017).
19. Померанц Г.С. Прорыв сквозь идеологию // Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрашие духа. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 7–17.
20. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
21. Семигин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 81–83.
22. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.
23. Соловьёв Э.Ю. Философия как критика идеологий (проспект доклада на общеинститутском семинаре 7 июля 2016 г.). URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2016/07_06_2016_soloviev.pdf (дата обращения: 12.04.2017).
24. Соловьёв Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 5–17. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-5-17.
25. Уайтхед А.Н. Приключения идей / Науч. ред. С.С. Неретина. М.: ИФ РАН, 2009. 383 с.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории: сборник. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.
27. Whitehead A.N. Adventures of ideas. New York: New Amer. libr., 1958. 302 pp.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: gurevich@rambler.ru

PHILOSOPHY AND IDEOLOGY (MARGINAL NOTES)

The institute methodological seminar is running at the Institute of Philosophy RAS since 2016. There were three meetings. Presentations were made by Professor E.Y. Soloviev, Professor V.A. Podoroga and Professor V.M. Mezhuev. These discussions showed that the Institute has accumulated considerable intellectual potential, which allows to analyse philosophical problems at the level of serious reflection. In fact, the speakers chose the theme of “Philosophy and ideology”. I can’t say that this problem (significant in itself) promises a methodological revelation. Major debates around ideology in European philosophy – the “deideologization” (50–60-ies of the last century), “reideologization” (the 70-ies of the same century), “jargon of authenticity” (T. Adorno about the German ideology), the idea of the simulacrum and simulation (J. Baudrillard), the position of Sl. Žižek (“reality itself has become ideological”) – has lost their indisputable novelty. Methodological coverage of the topic assumes familiarity with major mass examinations of the problem. However, the speakers not appealed to the history of the issue at least on the material of the last century. Incidentally, the same “detachment” from modern European thought distinguishes the article by G.Yu. Semigin “Ideology” published in the *New philosophical encyclopedia*. In a polemical field of our discussions was involved the familiar historical and philosophical material – from Destutt de Tracy to Marx. Of course, every seminar is interesting not only by recording of sources, but rather by unexpected approaches, depth and originality of argumentation. Our reputable philosophers were somehow very productive. Well and passionately they till their own parcel. But beyond the parcel loom other, very serious approaches to the topic.

The published material should not be considered a protocol report from meetings or review report. This is likely an attempt to expand the problem field of the discussion.

Philosophy is often seen as a supplement to something. It really is related to science, politics, history. The question is, does it have its autonomy? After all, at certain stages of history, it was a handmaiden of theology, science, politics. The originality of V.M. Mezhuev's position consists in defending belonging of philosophy to ideology. Schematically, the concept can be expressed as follows: philosophy deals with ideas, every idea is ideological itself. The speaker relies on the French enlightenment philosophers of the XVIII century, which legalized the statement. However, a vast array of philosophy is not correlated with ideology.

A large part of philosophical discoveries connected, for example, with the analysis of time, space, existence, has no bearing on ideology. The mission of philosophy is to introduce new ideas, new meanings and train of thought into the culture. The power of philosophy is determined by its non-borrowing. Working with the available ideological material, philosophy is still a special way of world cognition. Was Heraclitus, cherishing his doctrine of the eternal fire, guided by an ideological order? Did the idea of *eidōs* occur to Plato at the peak of the pragmatic disputes of the ancient sages? What ideological calculations dictated to the ancient philosopher the doctrine of the identification of being, ideas, of one, of benefit in the first principle and of nothingness, matter, of plurality and evil in the second principle? Was Leibnitz, building a doctrine of the monads, guided by the instructions of German king?

How the idea of ideology as a mechanism of relentless clutch of ideas was born? Why assume that philosophical thought is immediately cluttered with similar stories and is cemented as an ideology? I guess the reason of it is the wrong interpretation of the thoughts of the French enlightenment philosophers A. Destutt de Tracy, P. Cabanis and others. They haven't had in mind the ideology as a meaningful political doctrine. For them, ideology was the realm of social knowledge, nothing more. Their interest was to understand how ideas are born and find solidarity and how to make the ideology an area of theoretical thought. But while they can't be blamed for their concept reflect someone's ideology.

Yes, the word "ideology" was first used by A. Destutt de Tracy in 1796. At the turn of XVIII–XIX centuries the late philosophers of Enlightenment turned the doctrine of ideas in moral and political doctrine, emphasizing the active nature, the practical significance of ideology. Pay attention to the fact that the leaders of that time tried to comprehend theoretically how the philosophical ideas influence policy. However, none of them believed that philosophy is ideology. In particular, P. Cabanis believed that ideas have the greatest impact on public morality, which was seen by him as a source of political passions.

V.M. Mezhuev, apparently, is right in arguing that for Marx critique of ideology is the critique of all philosophy. The analysis of the Marxist interpretation of ideology is made by M.V. Mazhnev very professionally. But the report of E.Y. Solovyov concerned with a different historical reality.

Multiannual tradition of the critique of ideology as a social phenomenon has established. This means that philosophy is not only an ideological phenomenon. Ideology is criticized, but without an appeal to the historical destiny of philosophy.

What ideology are we talking about these days? What is its role in historical processes? Distinguished contemporary philosophers including Paul Ricoeur, Jacques Baudrillard, Jürgen Habermas, Slavoj Žižek and others joined to a sober understanding of the ideology at the end of last and beginning of present century. In this case, referring to ideology, they least of all engaged in criticism of philosophical ideas. The main thing is to recognize the purpose of ideology in our day. E.Y. Soloviev, in his report, don't record ideologies or create them. The value of his report is the attraction of attention to a critique of ideology in the new historical conditions. A worrying trend is the permanent the lack of interest among philosophers in contemporary European and Eastern philosophy. In the discussions on the seminar aren't references to significant philosophical achievements of our foreign colleagues. M. Foucault, as is known, proposed in the analysis of power to distance from concrete practice as possible. His idea of dispersal of power allowed to see the unexpected facets of this phenomenon. Modern ideological practice needs not so much in criticism of its self-deception, as in the philosophical analysis of its deep sociological foundations. Manipulators eliminate from the communication space the reality itself, replacing it with the virtual world. The spectators increasingly have at their disposal social facts that never happened. The matter is not so much in the semantics of "information flashes", as in removing and darkening of reality itself.

Looking at the screen today, we are already thinking not so much about the truth of interpreted facts and events, as about whether they are real or arbitrary fictional. Ideas are losing sense. The idea of progress has disappeared, but the progress continues. The idea of wealth involving the production, vanished, but the production exists. The TV would have continued to create images, even if mankind disappeared. All is sexual, political, aesthetical. But where is the very authenticity? Images supplied by the media, never fall silent: images of the messages should follow each other without interruption. But we thoroughly catapult ourselves in virtual reality. Was there a war in the Persian Gulf? Was there a nuclear test in Iran? Is it true about the use of chemical weapons in Syria? From mass media you will get the most bizarre answers to these questions.

J. Baudrillard emphasizes that in modern ideological practice it is impossible to find the absolute level of the real. The illusion is no longer possible, because the reality is no longer possible.

The importance of this subject is obvious. The ideology today is a distortion of reality through signs. Simulation is a short circuit of reality and its duplication by signs. We want to restore the objective process by the intellectual participation in an ideological discourse. But isn't the restoration

of truth within the framework of the simulacrum a false statement of the problem? The philosophical meaning of the problem is that ideology is not simply “false consciousness”, an illusory representation of reality. The ideology is now reality itself. Slavoj Žižek describes ideology as a social mechanism which homeostasis assumes that “individuals do not realize that they’re doing”. The ideological is consequently not “false consciousness” of social existence. But the existence has a basis in false consciousness. Philosophy is not ideology. It is the experience of the individualization of thought.

Key words: philosophy, ideology, criticism, culture, simulation, reideologization, power, interests, values, simulacrum

References

1. Adorno, T. *Zhargon podlinnosti. O nemetskoj ideologii* [The jargon of authenticity. On the German ideology]. Moscow: Kanon+ Publ., 2011. 191 pp. (In Russian)
2. Aurelius Augustinus. *Ispoved'* [Confession]. Moscow: Respublika Publ., 1992. 332 pp. (In Russian)
3. Bataille, G. *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [Cursed part. Sacred Sociology]. Moscow: Lodomir Publ., 2006. 742 pp. (In Russian)
4. Baudrillard, J. *Prozrachnost' zla* [Transparency of Evil]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2006. 258 pp. (In Russian)
5. Baudrillard, J. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulations and simulations]. Moscow: Postum Publ., 2015. 240 pp. (In Russian)
6. Destutt de Tracy, A. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova* [Fundamentals of ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Moscow: Akademicheskii Proekt: Al'ma Mater Publ., 2013. 333 pp. (In Russian)
7. Gal'tseva, R., Rodnyanskaya, I. *SUMMA IDEOLOGIAE: torzhestvo «lozhnogo soznaniya v noveishie vremena* [SUMMA IDEOLOGIAE: triumph of false consciousness in modern times]. Moscow: Posev Publ., 2012. 128 pp. (In Russian)
8. Gurevich, P.S. “Ideologiya” [Ideology], in: P.S. Gurevich, *Sovremennyyi gumanitarnyyi slovar'-spravochnik* [Modern humanitarian dictionary-reference]. Moscow: Olimp Publ.; AST Publ., 1999, pp. 165–169. (In Russian)
9. Gurevich, P.S. “Tyazhkih dum izbytok” [Heavy Doom Surplus], *Filosofiya i kul'tura*, 2016, No. 7, pp. 929–934. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.7.19641. (In Russian)
10. Gurevich, P.S. *Burzhuaznaya ideologiya i massovoe soznanie* [Bourgeois ideology and mass consciousness]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 368 pp. (In Russian)
11. Gurevich, P.S. *Burzhuaznaya propaganda v poiskakh teoreticheskogo obosnovaniya* [Bourgeois propaganda in search of a theoretical basis]. Moscow: Politizdat Publ., 1978. 162 pp. (In Russian)
12. Gurevich, P.S. *Priklyucheniya imidzha* [Adventure of the image]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. 219 pp. (In Russian)
13. Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii: sbornik* [The meaning and purpose of history: the collection of works]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 527 pp. (In Russian)

14. Mezhuiev, V.M. “Filosofiya kak ideologiya” [Philosophy as an ideology]. Theses of the report at the general institute seminar on 27.04.2017 [http://iphras.ru/uplfile//root/news/archive_events/2017/27_04_2017_mezhuiev/rezume_27_04.pdf, accessed on 26.04.2017]. (In Russian)
15. Mezhuiev, V.M. *Istoriya, tsivilizatsiya, kul'tura: opyt filosofskogo istolkovaniya* [History, civilization, culture: the experience of philosophical interpretation]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 2011. 440 pp. (In Russian)
16. Podoroga, V.A. “O chem sprashivayut, kogda sprashivayut «chto takoe filosofiya?»” [What is asked when “what is philosophy?” is asked], *Filosofskii zhurnal*, 2009, No. 1, pp. 5–12. (In Russian)
17. Podoroga, V.A. “Revolutsiya i avangard (Istoriya odnoi sem'i)” [Revolution and the Vanguard (The History of One Family)]. Theses of the report at the general institute seminar on 02.02.2017 [http://iphras.ru/uplfile//root/news/archive_events/2017/02_02_17/thes.pdf, accessed on 12.04.2017]. (In Russian)
18. Pomerants, G.S. “Proryv skvoz' ideologiyu” [Break through ideology], in: G.S. Pomerants, *Strastnaya odnostoronnost' i besstrastie dukkha* [Passionate one-sidedness and dispation of spirit], 2nd edition. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2014, pp. 7–17. (In Russian)
19. Popper, K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open society and its enemies], 2 Vols., Vol. 1. Moscow: Feniks Publ., 1992. 448 pp. (In Russian)
20. Semigin, G.Yu. “Ideologiya” [Ideology], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], 4 Vols., Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 2010, pp. 81–83. (In Russian)
21. Smirnov, A.V. *Soznanie. Logika. Yazyk. Kul'tura. Smysl* [Consciousness. Logics. Language. Culture. Meaning]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 712 pp. (In Russian)
22. Solov'ev, E.Yu. “Filosofiya kak kritika ideologii. Chast' I” [Philosophy as a criticism of ideologies. Part I], *Filosofskii zhurnal*, 2016, Vol. 9, No. 4, pp. 5–17. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-5-17. (In Russian)
23. Solov'ev, E.Yu. “Filosofiya kak kritika ideologii” [Philosophy as a criticism of ideologies]. Theses of the report at the general institute seminar on 07.07.2016 [http://iphras.ru/uplfile//root/news/archive_events/2016/07_06_2016_soloviev.pdf, accessed on 12.04.2017]. (In Russian)
24. Wallerstein, I. *Istoricheskii kapitalizm* [Historical Capitalism]. Moscow: KMK Publ., 2014. 176 pp. (In Russian)
25. Whitehead, A.N. *Adventures of ideas*. New York: New Amer. Libr. Publ., 1958. 302 pp.
26. Whitehead, A.N. *Priklyucheniya idei* [Adventures of Ideas], ed. S.S. Neretina. Moscow: IF RAN Publ., 2009. 383 pp. (In Russian)
27. Žižek, Sl. *Vozvyshennyi ob'ekt ideologii* [The sublime object of ideology]. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal Publ., 1999. 234 pp. (In Russian)